А. Е. БУРЦЕВЪ.

ЖИЗНЬ РУССКАГО НАРОДА

ЕГО НРАВЫ и ОБЫЧАИ

Выпускъ третій. — **Рекрута веселятся.**

Типографія Е. Вейерманъ и Ко., СПБ., Благовѣщенская площ., № 3.

Содержаніе:

А. Е. Бурцевъ.

Жизнь русскаго народа.

Его нравы и обычаи.

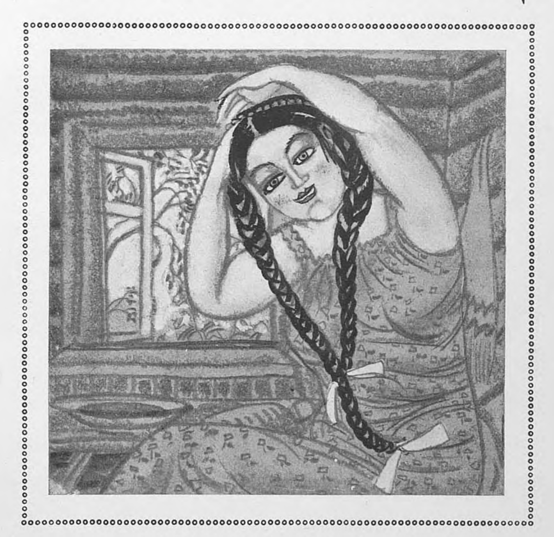
Въ картинахъ художниковъ и въ снимкахъ съ натуры.

ВЫПУСКЪ ТРЕТIЙ.

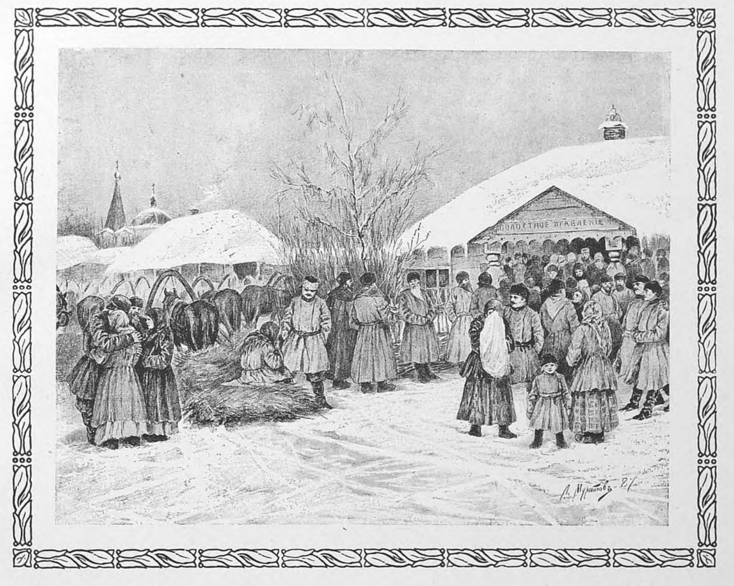
Рекруты и новобранцы.

А. Е. БУРЦЕВЪ.

РЕКРУТЫ и НОВОБРАНЦЫ.

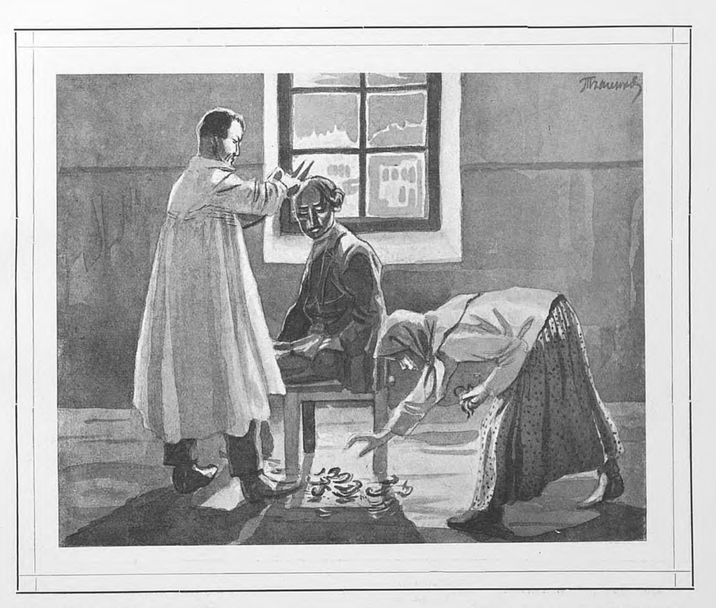

Выпускъ третій.

У Призывнаго участка.

Рисунокъ художника А. Муратова.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Принятъ на службу.
(Забрили.)

Рисунокъ художника В. Ткаченко.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Новобранцы веселятся.
„Во трактиръ гулять пойдемъ“.

Рисунокъ художника В. Ткаченко.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Грустное разставаніе.

Съ картины художника Власова.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Послѣднее прощаніе.

Рисунокъ художника В. Ткаченко.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

„Воспоминаніе".

Съ картины художника В. Ткаченко.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

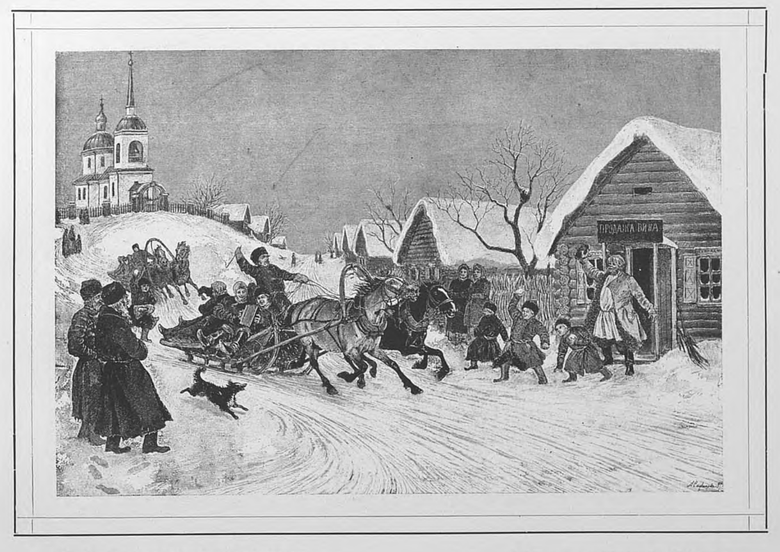
Отправка новобранцевъ въ городъ
на службу.

Съ картины художника В. Ткаченко.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

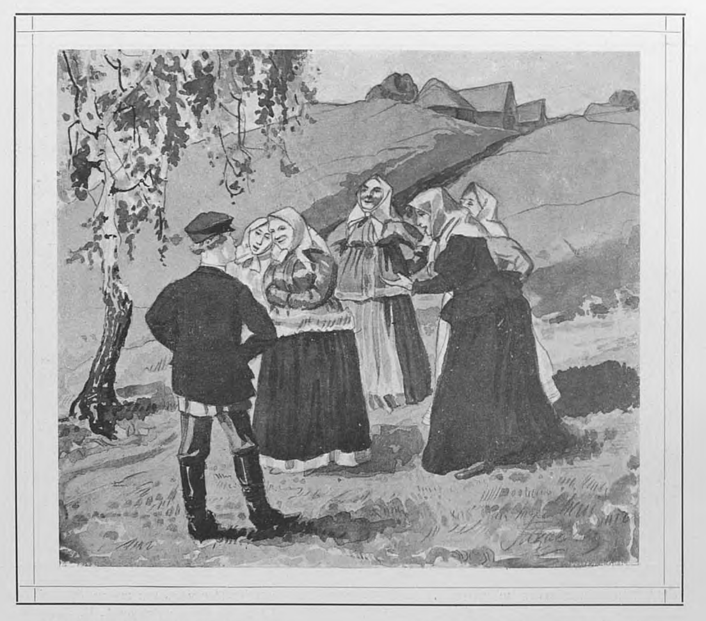
Проводы новобранца изъ дому на службу.

Съ картины художника В. Ткаченко.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Новобранцы катаются по деревнѣ.

Рисунокъ художника А. Сафонова.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Дѣвицы встрѣчаютъ новобранца.

Съ картины художника В. Ткаченко.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

„Ваньку Хрѣнова забрили
Вся деревня затужила“.

Рисунокъ художника Субботина.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

А. Е. БУРЦЕВЪ.

Дѣтскія игры и забавы.

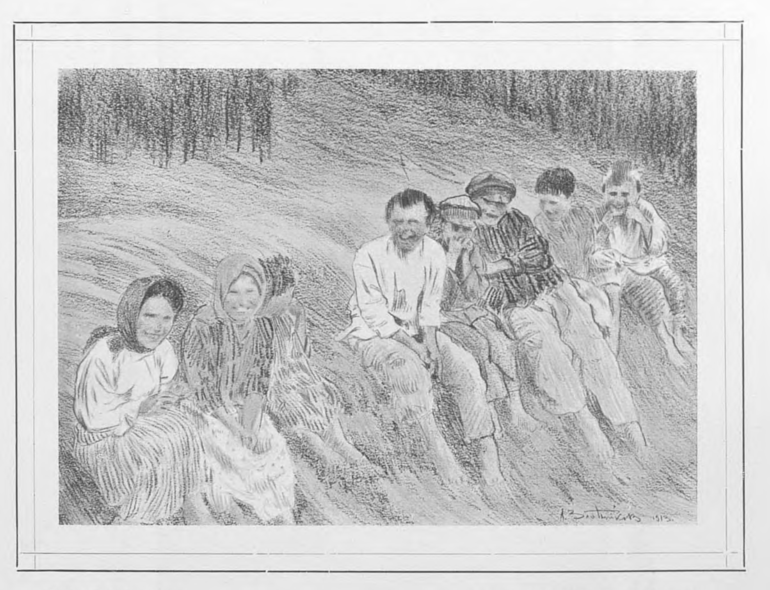
Выпускъ третій.

Чуръ!
Играть,
Не воровать.
Безъ вороху,
Безъ промаху,
Безъ Щелку.

„Подъ зонтикомъ".

Рисунокъ художника Л. Злотникова.
Изъ собранія А. Е. Бурцев-.

„Веселая компанія“.

Рисунокъ художника Л. Злотникова.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Матеріалы по этнографіи Россіи.

Александра Евгеніевича Бурцева.

Кошка.

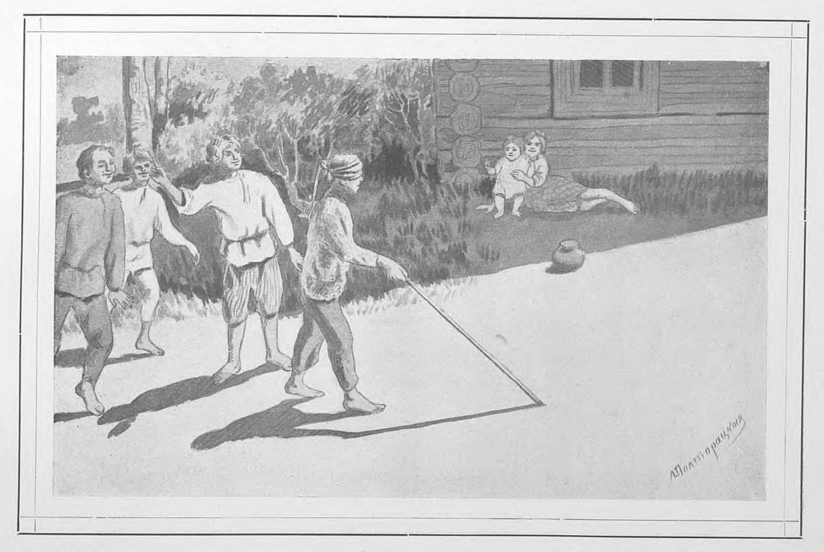
Играютъ въ сумерки въ саду или въ полѣ, гдѣ много кустарниковъ и деревьевъ. Самый проворный изъ игроковъ назначается *кошкою.* Остальные дѣти, подъ предводительствомъ кого нибудь изъ старшихъ, который называется маткою, идутъ отыскивать кошку и окружаютъ то мѣсто, гдѣ по ихъ соображенію кошка спряталась. Кошка же прячется гдѣ нибудь въ кустарникѣ или за деревомъ, и затѣмъ играющіе стараются поймать ее. Кошка, по требованію матки, можетъ откликнуться, особенно если отыскивающіе далеко отъ нее и она надѣется успѣть перебѣжать и спрятаться въ другое мѣсто, въ то время, когда они бросаются на раздавшееся „*мяу*“ кошки. Вся игра состоитъ въ томъ, чтобы кошка быстро успѣла скрыться въ другое, отдаленное мѣсто и тѣмъ обмануть ищущихъ ее.

Горѣлки.

Играющіе становятся попарно, одна пара за другою; впереди первой пары становится одинъ, по жребію, который долженъ *горѣть*, т. е. ловить выбѣгающія пары. Горѣльщикъ не долженъ оглядываться назадъ. Играющіе приговариваютъ: „*Гори, гори ясно, чтобы не погасло*“, и въ это время горѣльщикъ хлопаетъ въ ладоши три раза. За третьимъ разомъ, послѣдняя пара раздѣлившись, т. е. одинъ на право, а другой на лѣво, начинаетъ бѣжать впередъ, по обѣимъ сторонамъ играющихъ и далѣе, стараясь схватиться руками непремѣнно *впереди* горѣльщика. Если послѣдній поймаетъ кого нибудь изъ бѣжавшей пары, то онъ становится съ пойманнымъ впереди всѣхъ паръ, а оставшійся долженъ горѣть. Если же не поймаетъ и пара успѣвъ сойтись и взяться за руки, — онъ снова горитъ и ловитъ другую пару и т. д., до тѣхъ поръ, пока не поймаетъ кого нибудь. Бѣжать всегда должна та пара, которая стоитъ позади всѣхъ. Для того, чтобы обмануть горѣльщика, правый въ парѣ можетъ бѣжать по лѣвую сторону, а лѣвый по правую.

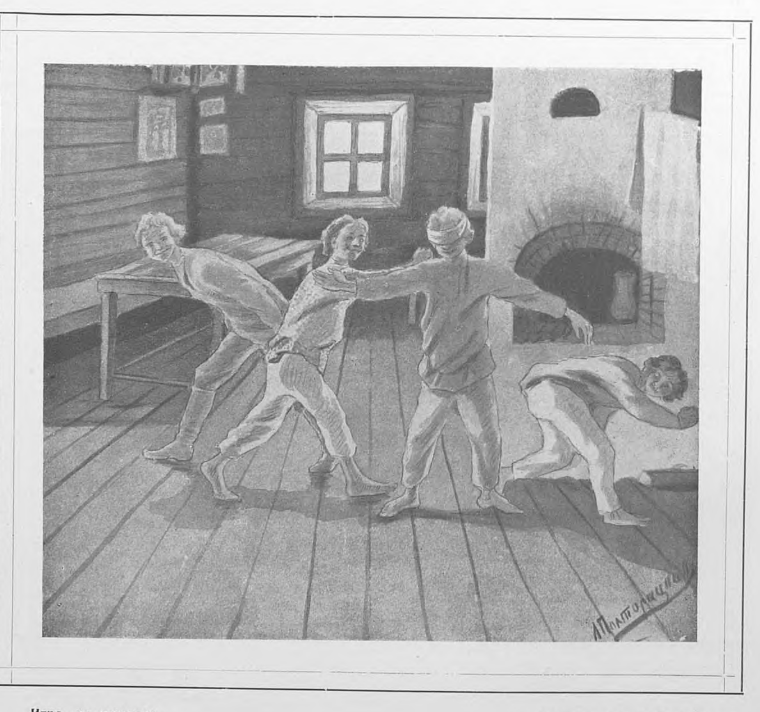
Чека (муха).

Вбиваютъ въ землю колъ, аршина въ полтора или въ аршинъ длиною; наверхъ этого кола насаживаютъ палочку вершка въ 4 длины, вырѣзанную на подобіе буквы Г. Эта палочка и называется *чекою* или *мухою*. Чеку сбиваютъ палками съ кола. По числу играющихъ, за исключеніемъ одного, выкапываются шагахъ въ 10—12 ямочки, мазла, откуда и сбиваютъ чеку. Ямочки дѣлаютъ на разстояніи одной сажени одна отъ другой. Оставшійся безъ мѣста, водитель, долженъ наставлять муху, когда ее собьютъ. Водитъ тотъ, чья палка ляжетъ ближе всѣхъ къ колу, для этого всѣ играющіе становятся съ палками рядомъ, ставятъ конецъ палки на носокъ сапога, и стараются отшвырнуть ее отъ себя какъ можно дальше; чья палка ляжетъ ближе всѣхъ, тотъ и водитъ.

Дѣтская игра „въ горшокъ“.

Рисунокъ худ. Л. Полторацкой.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Игра „въ ималки“.

Рисунокъ худ. Л. Полторацкой.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Кто промахнулся тотъ долженъ стоять на своемъ мазлѣ до тѣхъ поръ, пока не собьетъ чеку, потому что ему тогда не выгодно бѣжать за своею палкою; водитель легко займетъ его мазло. Если слѣдующій игрокъ собьетъ чеку, тогда онъ и сбившій бѣгутъ за своими палками, стараясь успѣть поднять палки и прибѣжать къ своимъ мазламъ въ то время, пока навѣшиваютъ чеку, въ противномъ же случаѣ, водитель, навѣсивши чеку, занимаетъ свободное мазло, и оставшійся безъ мазла долженъ стать сбоку у кола и наставлять чеку. Чеку сбивать должно со своихъ мѣстъ по очередно.

Чурокъ, тюзикъ.

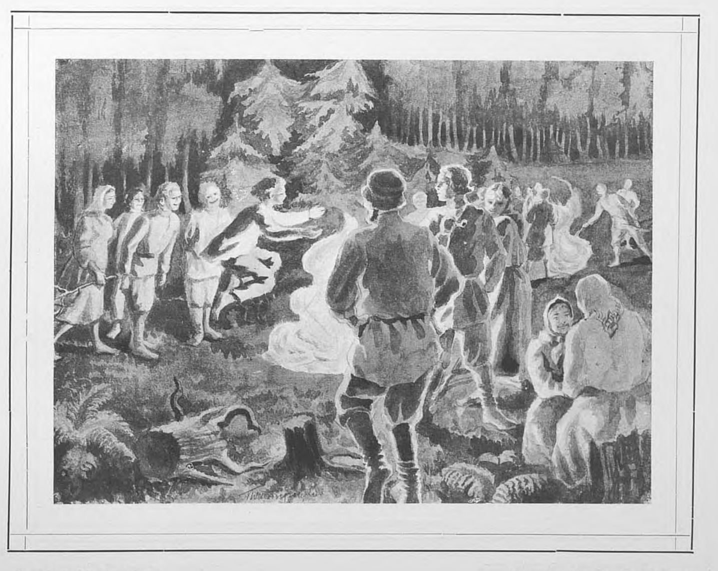
Чуркомъ или тюзикомъ называется палочка въ 3 — 4 вершка длиною, съ обоихъ концовъ заостренная. Если бросить чурокъ на землю и ударить по заостренному концу не очень толстою палкою, въ аршинъ длиною, то чурокъ подскочитъ. Играть можно вдвоемъ, втроемъ и даже болѣе. Играютъ слѣдующимъ образомъ: чертятъ на землѣ кружокъ въ одинъ аршинъ въ діаметрѣ и одинъ изъ играющихъ (при игрѣ вдвоемъ), ставъ въ кружокъ, бросаетъ на землю чурокъ и ударяетъ по немъ палкою; когда чурокъ взлетитъ на воздухъ, онъ стараетея подбить чурокъ на лету палкою такъ, чтобы отбросить его сколь возможно далѣе. Другой игрокъ становится вдали отъ кружка и старается поймать чурокъ на лету. Если онъ поймаетъ, то смѣняетъ перваго игрока и бьетъ по чурку въ свою очередь; если же не поймаетъ, то съ того мѣста, гдѣ чурокъ легъ, онъ бросаетъ его въ кружокъ; первый, стоя въ кружкѣ и не выходя изъ него, можетъ опять отбить палкой чурокъ, но не съ земли, а на лету; если отобьетъ, то второй снова бросаетъ; когда же попадаетъ въ кружокъ, то смѣняетъ перваго. Если чурокъ легъ на черту, то по крайней мѣрѣ большая половина его должна лежать въ кружкѣ. Если стоящій въ кружкѣ промахнулся, т. е. не подбилъ съ перваго раза чурка, то онъ становится въ средину круга и пробуетъ достать чурокъ руками, если достанетъ, то перебиваетъ снова, и это позволяется до трехъ разъ; если же не

достанетъ, то стоящій внѣ круга съ того мѣста гдѣ легъ чурокъ, бросаетъ его въ кружокъ.

Когда играетъ нѣсколько человѣкъ, то они раздѣляются на двѣ партіи, изъ коихъ одна бьетъ по очереди, а другая стоитъ въ полѣ на различныхъ мѣстахъ и ловитъ чурокъ. Каждый игрокъ бьетъ чурокъ по очереди и до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаетъ промаха. Вторая партія смѣняетъ первую, только въ слѣдующихъ случаяхъ: 1) когда всѣ игроки первой партіи сдѣлали промахъ; 2) когда подбитый чурокъ пойманъ на лету и 3) когда чурокъ легъ такъ близко къ кругу, что вмѣсто того, чтобы вбросить его, можно, вытянувъ руку положить въ кружокъ. Если вторая партія не вброситъ чурка въ кружокъ, то бьютъ чурокъ съ того мѣста, гдѣ онъ легъ.

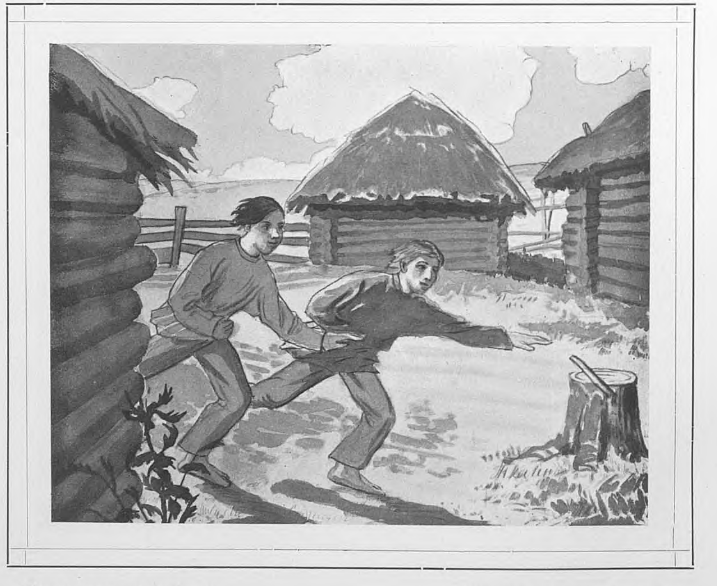
Кругъ.

Чертятъ на землѣ большой кругъ; играющій, стоя въ серединѣ круга, долженъ, ударивъ палкою по кончику чурка, сразу выбросить его изъ круга, не подбивая на лету. Если онъ этого не сдѣлаетъ, то другой смѣняетъ его; если же выброситъ чурокъ, то, измѣривъ глазомъ разстояніе между серединою круга и тѣмъ мѣстомъ, куда упалъ чурокъ, требуетъ столько взятокъ, сколько по его мнѣнію, уляжется на этомъ разстояніи палка, которою онъ билъ. Тотчасъ же измѣряютъ это разстояніе палкою и если мѣра окажется вѣрною, то угадавшему приписываютъ это число очковъ; если же онъ сказалъ, болѣе или менѣе, нежели сколько на самомъ дѣлѣ при измѣреніи оказалось, то отсчитываютъ у него столько очковъ, на сколько онъ ошибся; при этомъ половина и болѣе половины не считается. У кого наберется ранѣе 15—20 и болѣе, смотря по условію, очковъ, тотъ и выигрываетъ.

Ночь на Ивановъ день.

Рисунокъ худ. Л. Полторацкой.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Дѣтская игра „въ горѣлки“.

Рисунокъ художника В. Ткаченко.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Груня.

Нѣсколько дѣвицъ и парней становятся въ ширину попарно и такъ, чтобы одна пара приходилась противъ другой, затѣмъ пары схватываются руками и дѣлаютъ оборотъ по избѣ и опять становятся на свои мѣста.

При этой игрѣ поютъ слѣдующую пѣсню:

Груня, Груня, Груня а,
Груня ягода моя!
Восповадилась Груняша
Часто по воду ходить,
По задворью воду лить
Да къ Олексiю заходить,
Алексiюшка будить:
Ужъ ты встань, душа Олеша
Олексiй, встань, пробудись,
На меня не сердись...
Я дѣвочка не спѣсива
Люблю свѣта Олексiя...
Я заплачу, зарыдаю,
Тяжелехонько вздохну,
Дружка Олешу вспомяну.
Вспомяну дружка милово
На чужой на сторонѣ,
На чужой дальной сторонкѣ
Во Питерѣ иль Москвѣ?
Тамъ и дѣвушки дородны
Собою-то благородны:
Вдоль по улочкѣ идутъ
Ровно (словно) павушки плывутъ.
На павушкѣ перышко
Ровно пять тысець дано,
Какъ другое-то перо
Изъ Парижа везено

Да Груняшѣ дарено.
По бѣлому бархату.
Ужъ я этимъ-то перомъ
Напишу я грамотку,
Отошлю я грамотку
Въ Сибирь-городъ къ батюшкѣ;
Къ родимой матушкѣ...
Родимая моя мать!
Позволь дочерѣ гулять.
Гуляй, гуляй, дитятко,
Гуляй доць хорошая,
Груняша пригожая!
Гуляй, доцюшка моя,
Пока волюшка своя, —
Не расплетена коса,
Не покрыта голова.
Какъ покроется головка —
Вся минуется гульба,
Вся минуется, рѣшится
И дѣвичья красота.
Расплетутъ русую косу —
Будетъ воля не своя,
Не своя воля велика —
Чуже-дальна мужика.
Какъ чужой мужикъ дуракъ
Не отпуститъ погулять;
Хоть отпуститъ — пригрозитъ,
Велитъ сосѣдямъ присмотрить
При тебѣ гулять не стану,
А уйдетъ, такъ не уйметъ!

Ималкомъ.

Эта игра заключается въ томъ, что одному изъ участвующихъ въ игрѣ завязываютъ глаза, а затѣмъ приводятъ его къ печному столбу и, ударяя въ спину, спрашиваютъ:

— Гдѣ стоишь?

Ималко, т. е. тотъ человѣкъ, что съ завязанными глазами, долженъ отвѣчать „У столба".

— Чего пьешь? спрашиваютъ игроки.

— Квасъ да ягоды! отвѣчаетъ Ималко.

— Ну, такъ ищи насъ два года! крикнутъ игроки и разбѣгаются въ разныя стороны. Ималко обязанъ кого-либо схватить, поймать (потому и называется „ималко"), а пока этого не сдѣлаетъ — всѣ дуютъ его по спинѣ кулаками, сами же ловко отвертываясь прячутся. Кто же попадетъ въ руки ималку, тотъ самъ становится имъ, и ему также завязываютъ платкомъ глаза, а прежняго освобождаютъ.

Что же касается того, кому впервые быть „ималкомъ", то дѣлается это такъ: одинъ изъ пожелавшихъ участвовать въ игрѣ запачкаетъ у себя палецъ печной сажей и, зажавши кулаки накрѣпко, подходитъ къ другимъ съ предложеніемъ разжать одинъ изъ пальцевъ его рукъ. Кто изъ игроковъ разожметъ запачканный палецъ, тотъ и будетъ „ималко". Если-же случится, что всѣ разжали по „бѣлому" пальцу, то ималкомъ становится самъ, предлагавшій.

Само-собою, разумѣется, зажимается столько пальцевъ, сколько человѣкъ участвуетъ въ игрѣ и само запачканіе дѣлается секретно отъ прочихъ игроковъ.

Играютъ въ эту игру большею частью въ святки и днемъ, а не вечеромъ, преимущественно дѣти отъ 10 до 15 лѣтъ.

30

Игра въ „Оленя".

Садятся нѣсколько парней посреди избы на скамейку, а дѣвицы вокругъ ихъ ходятъ и поютъ, слѣдующее:

Тепло ли тебѣ олень? *)
Холодно-ли тебѣ олень?
Мнѣ-ка въ литѣ-то тепло,
А зимою холодно...
Принакройте-тко,
Да пріодиньте-тко!..
Съ дѣвушки—платокъ,
Съ молодушки вьюнокъ (вѣнокъ),
Съ молодца кафтанъ
Со старыя старушки
Косой воротокъ **),
Со малово ребеночка—
Пеленочка,
Съ удалово молодца—
Красная шапочка,
Со красныя дѣвицы—
Платокъ съ головы...

Въ это время одна изъ дѣвицъ подходитъ къ которому нибудь парню и отдаетъ ему съ головы свой платокъ, а остальныя дѣвицы опять запоютъ эту же пѣсню съ начала и т. д., пока всѣхъ парней не прикроютъ. Когда у каждаго изъ парней окажется въ рукахъ по платку, тогда одинъ изъ нихъ — обыкновенно сидящій съ краю скамьи —машетъ по полу платкомъ и поетъ:

Волочу я, волочу,
Ма кабакъ сволочу
И на винѣ пропью!..

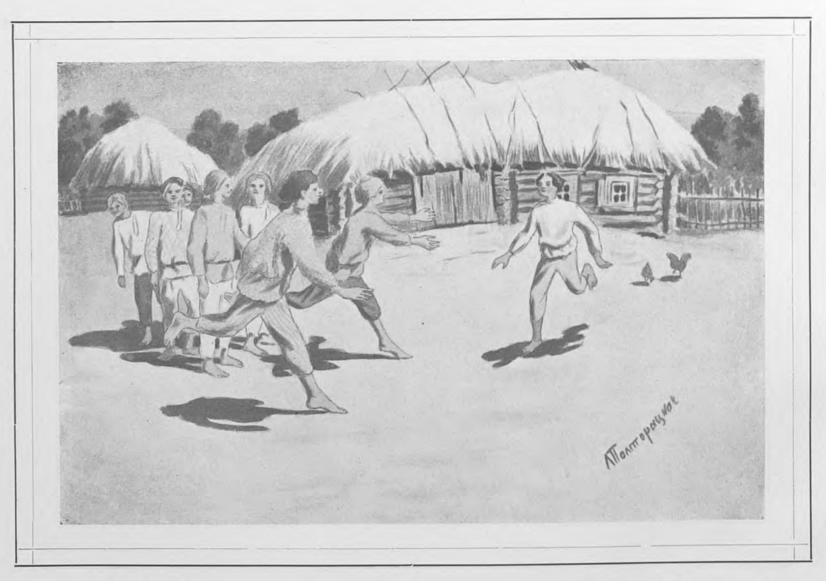
*) Въ пѣсняхъ сохраненъ мѣстный выговоръ.

**) Рубашка съ косымъ воротомъ.

Зимняя игра „въ оленя“.

Рисунокъ худ. Л. Полторацкой.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Игра „въ прятки“.

Рисунокъ худ. Л. Полторацкой.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Въ это время та дѣвица, чей платокъ волочитъ парень, подходитъ къ нему съ цѣлью выкупить платокъ; при этомъ поетъ:

Я не дамъ изволочить,
Я не дамъ истолочить...
Я сама изволочу,
Я сама истолочу,
И на кабакъ снесу,
На винѣ пропью
И повыскочу повыше
Поцѣлую молодца!

Дѣвица цѣлуетъ парня, и тотъ отдаетъ ей платокъ. Слѣдующая дѣвица продѣлываетъ тоже самое, и игра продолжается до тѣхъ поръ, пока у всѣхъ парней не будутъ выкуплены платки. Но бываетъ и такъ, шутки-ради, что парень, поцѣловавшись, вмѣсто того, чтобы немедленно отдать дѣвицѣ платокъ, отдаетъ его другому парню, наиболѣе знакомому дѣвицѣ, и тотъ тоже получаетъ „выкупъ" платка, заключающій въ поцѣлуѣ.

Со вьюномъ.

Всѣ дѣвицы поютъ, а одна изъ нихъ ходитъ по полу съ платкомъ въ рукѣ, изображающемъ вьюнокъ—вѣнокъ, ребята же сидятъ въ противоположной сторонѣ отъ дѣвицъ. Ходящая по полу дѣвица должна положить вьюнокъ одному изъ парней на плечо и поцѣловать его, когда кончится пѣсня. Пѣсня поется слѣдующая:

Ужъ я со вьюномъ хожу (2-жды).
Съ золотымъ хожу:
Я не знаю куда вьюнъ положить
(2-жды).

Положу, положу
Положу я вьюнъ на правое плечо
(2-жды).

(Кладетъ платокъ къ себѣ на правое плечо).

Я ко молодцу (2-жды),
Я ко молодцу иду, иду, иду,
Поцѣлую да и прочь уйду!

Пропѣвши это, дѣвица цѣлуетъ парня и передаетъ ему платокъ, съ которымъ начнетъ ходить по полу уже парень, сидящія же дѣвицы поютъ ему тоже самое, измѣняя лишь вмѣсто „ко молодцу иду". говорятъ: „ко дѣвицѣ иду". Парень тоже цѣлуетъ которую нибудь дѣвицу и передаетъ ей платокъ и т. д. Этой игрой занимаются до тѣхъ поръ, пока всѣ въ бесѣдѣ не перецѣлуются.

Зимушка.

Двѣ дѣвицы ходятъ по полу, а остальныя въ бесѣдѣ поютъ имъ:

Ахъ, ты, зимушка зима,
Холодна очень была!
Заевило, занесло
Всѣ дорожки и лужка
И крутые бережка...
Стели, стели постеленьку.
Стели пуховую,
Я кого изъ васъ люблю—
Того поцѣлую!

Въ это время тѣ дѣвицы, что ходили по полу, цѣлуютъ излюбленныхъ ими парней и садятся на лавку, а парни въ свою очередь начнутъ тоже ходить по полу, дѣвицы имъ поютъ:

Летѣли двѣ птички,
Собой невелички...

Деревенскія дѣти

Рисунокъ художника Л. Злотникова.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Катаніе яицъ на святой недѣлѣ.

Рисунокъ художника А. Полякова.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Припѣвъ:

Тамъ, тамъ лѣто,
Здѣсь—зима,
Чернобровая моя!..
Гдѣ они летѣли—
Всѣ люди глядѣли.

Опять тотъ же припѣвъ.

И сѣли на талинку
На самую вершинку...

Припѣвъ:

Взвились—улетѣли...
Тамъ, тамъ лѣто.
Здѣсь—зима.
Чернобровая моя,
Я цѣлую тебя!

Послѣ этого парни цѣлуютъ дѣвицъ.

Игра въ „наборъ“.

На бесѣдѣ дѣвицы и парни устраиваютъ иногда слѣдующую игру, носящую названіе „наборъ“. Одна изъ дѣвицъ обходитъ всѣхъ остальныхъ своихъ товарокъ и каждой шепчетъ на ухо имя того парня, котораго по ея назначенію та должна поцѣловать: но отъ послѣдняго сохраняется это въ тайнѣ. Парни по-очередно подходятъ то къ одной, то къ другой дѣвицѣ съ цѣлію поцѣловаться; но если парень подойдетъ не къ той, съ которой назначено ему цѣловаться, то послѣдняя щелкнетъ въ лодоши и парень отходитъ прочь „не солоно хлѣбавши“. Когда угадаетъ—цѣлуются. Послѣ того парни и дѣвицы обмѣниваются ролями: парни загадываютъ, а дѣвицы такимъ же образомъ подходятъ къ нимъ.

Стулъ.

Парень или дѣвица по-очередно садятся на стулъ — деревянный отрубокъ — среди избы, остальныя дѣвицы поютъ:

Я горю, горю, горю
На калиновомъ мосту:
Ахъ, кто меня любитъ,—
Тотъ и выкупитъ!..

Въ это время, если сидитъ дѣвица, то подходитъ парень и цѣлуетъ ее, а самъ садится на ея мѣсто, ему поется тоже самое. Подходятъ, конечно, большей частью тѣ, кто съ кѣмъ знакомѣе или „слюбившись". Но бываетъ и такъ что сидящая—нелюбимая никѣмъ дѣвица или некрасивая, и желающихъ выкупить ее изъ числа парней не оказывается, тогда горе ей! сидитъ, бѣдная, чуть не плачетъ отъ стыда, а подруги ея въ тихомолку посмѣиваются. Но, надо сказать правду, это очень рѣдко случается, такъ какъ подобное не вниманіе считается неприличнымъ со стороны парней, а потому кто нибудь изъ нихъ подойдетъ и выкупитъ ее своимъ поцѣлуемъ, хотя бы изъ чувства приличія только.

А. Е. БУРЦЕВЪ.

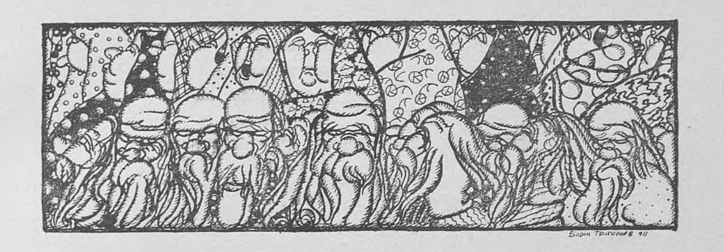
Шуточныя и прибауточныя пѣсни русскаго народа.

Съ рисунками художника
Б. Д. ГРИГОРЬЕВА.

40

Побасенка.

Когда у меня отца еще не было, я съ дѣдушкой жилъ. У насъ было полтораста ульевъ, пятьдесятъ пчелъ: каждая пчела три улья заняла; какъ на походъ полетятъ — ворота затрещатъ; коя сильна — тащитъ свинью, коя поздорове, тащитъ по коровѣ, которая недомогаетъ — ворота затворяетъ. Мы съ дѣдушкой возмемъ по гнету да выломимъ по соту и ѣдимъ яво, инда не хотца. Купимъ на семишникъ меду, новодимъ соты да и хлебаемъ.

Матеріалы по этнографіи Россіи.

Александра Евгеніевича Бурцева.

У кота было кота,
Была мачиха люта,
Она била кота,
Колотила кота.
Котъ на печку скочилъ,
Рукавичку охватилъ.
На базаръ котъ пошелъ,
Онъ и денежку нашелъ,
Онъ и денежку нашелъ,
Онъ и крупки купилъ,
Онъ и крупки купилъ,
Онъ и кашку сварилъ,
Онъ кашку сварилъ,
Онъ Агашку накормилъ.

Тпрунды баранды,
Потерялись у Маланьи бабы,
Проходили де солдаты, да вдовы,
Насокали (нарвали) два подола, да
мѣшокъ
Наварили двѣ чугунки, да горшокъ.

Заяцъ бѣлый,
Куда бѣгалъ?
На болото.
Чего дѣлалъ?
Лыко дралъ.
Куда клалъ?
На пенекъ,
Очутился пузырекъ,
Бунты хлопъ.

Кукуреку пѣтушокъ,
Золотой твой гребешокъ,
Гдѣ ты былъ побывалъ?
Былъ я за моремъ,
Былъ я за синимъ.
Чего ты тамъ видѣлъ?
Видѣлъ я чудо,
Чудо чудовое,
Птицу синицу,
Красную дѣвицу,
Курочку хохлатку,
Лебедку, косатку,
Съ вострымъ носочкомъ,
Съ пестрымъ зобочкомъ.

„Стуку, стуку, стуку.
Пошелъ мужикъ на рѣку...“

Рисунокъ художника Б. Д. Григорьева.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

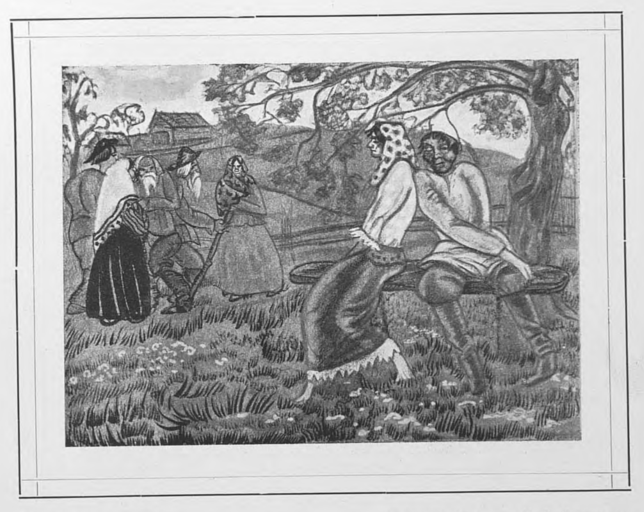
„Кричитъ: женка молода!
Отпирай-ка ворота.“

Рисунокъ художника Б. Д. Григорьева.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Пошелъ мужикъ на рѣку,
Стуку, стуку, стуку,
Пошелъ рыбку ловить,
Свою семью накормить.
Ужъ ты матушка рѣка,
Не топи ты мужика,
Не топи ты, пожалѣй,
У него изба дѣтей,
Малъ, малъ менѣ все ребята,
Два Ивана, два Кондрата,
Марья, Дарья, да Арина,
Да Маланья съ Катериной,
На придачку Спиридонъ,
На Миколу онъ рожденъ,
Бѣлы ручки, бѣлы ножки,
Сафьяны сапожки.

Я сегоднешную ночку мало спала,
Я изъ горницы во горницу ходила,
Изо шкафчика графинчикъ вынимала,
Вынимала, вынимала, наливала.
„Пей-ко, пей-ко, милый, не опейся,
На меня, на красну дѣвку не надѣйся,
У меня, у красной дѣвки, много горя,
Много горя, много горя гореванья.
Пропила-ли меня матушка родная
За такого за невѣжу, за бохвала:
Въ кабакъ идетъ невѣжа, скачетъ, пляшетъ;
Съ кабака идетъ невѣжа, кричитъ, вопитъ,
Кричитъ: женка молода! отпирай-ка ворота“.

Помоги родимая
Мнѣ въ лихой бѣдѣ;
Рада службу вѣрную
Сослужить тебѣ.
Вотъ три дня тоскую я,
Другъ меня забылъ;
Безъ него мнѣ жизнь—не жизнь,
Бѣлый свѣтъ не милъ.
Словно змѣя лютая
Сердце мнѣ сосетъ,
И цѣлую ноченьку
Спать мнѣ не даетъ.
Дай скорѣе снадобья
Друга приманить,
Или сердцу бѣдному
Запрети любить.
Нѣтъ, запретъ, родимая,
Сердцу не клади,
Лучше вырви вонъ его
Изъ моей груди.
Какъ-же мнѣ невѣрнаго
Дружка позабыть.
Въ немъ все счастье, радости,
Не любить—не жить.
Вотъ какой хорошенькій!
Словно мнѣ родня;
Какъ ласкалъ и нѣжилъ онъ
Бѣдную меня.
Вкругъ его, могучаго,
Я, какъ хмель вилась;
Жизнь моя счастливая,
Что рѣка, лилась.
Въ хороводахъ, игрищахъ
Ясный соколъ мой
Не сводилъ очей съ меня,
Танцовалъ со мной.

„Что за чудо парочка —
Старики твердятъ".

Рисунокъ художника Б. Д. Григорьева.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

„За мной ходятъ три сторожа“.

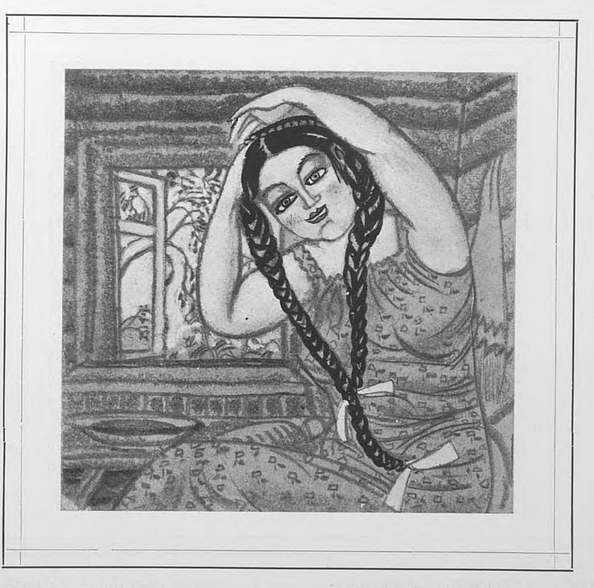
Рисунокъ художника Б. Д. Григорьева.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Тамъ, сидя подъ завѣсью,
Смотря на меня,
„Что за чудо парочка!“
Старики твердятъ.
Я тогда вѣдь думала:
Счастью нѣтъ конца;
Прогнѣвила бѣдная
Надъ собой Творца.
Дни мои счастливые
Унесло стрѣлой,
И ко мнѣ любезный другъ
Сталъ, какъ ледъ зимой:
Мимо дома идучи,
Въ окна не глядитъ.
. . . .
. . . .
Рѣчи свои сладкія
Сыплетъ предъ другой,
Не отходитъ прочь отъ ней,
Пляшетъ съ ней одной.

Во лѣсахъ, въ лѣсахъ было во дремучіихъ,
Во дремучіихъ,
Брала Маша грибы, ягоды,
Грибы, ягоды,
Бравши Машенька заблудилася
Заблудилася;
Заблудившись, слезно сплакала,
Сплакала.
Во слезкахъ дружка кликала,
Кликала:
„Ты ау, ау, милъ сердечный другъ,
Милъ сердечный другъ!“

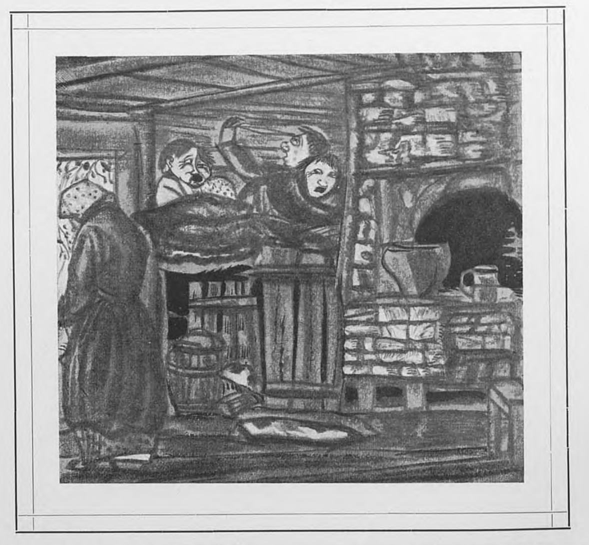
Нельзя мнѣ, Машенька, тебѣ откликнуться,
Откликнуться:
За мной ходятъ трое сторожа,
Трое сторожа;
Первый сторожъ — тесть мой батюшка,
Тесть мой батюшка,
Другой сторожъ — теща матушка
Теща матушка,
Третій сторожъ — молода жена
Молода жена.
Взойду я на круту гору,
На круту гору,
Возмолю тучу грозную
Тучу грозную:
„Убей громомъ тестя батюшку,
Тестя батюшку,
Прострѣли стрѣлой тещу матушку
Тещу матушку;
А съ женой своей самъ поправлюся,
Самъ поправлюся.
Я жену свою изъ ружья убью
Изъ ружья убью,
Тебя Машенька, за себя возьму".

Какъ у Дунюшки, у голубушки,
Лицо бѣлое набѣленое,
Щечки алыя разгораются,
Глаза черные, развеселые,
Брови черныя, наведеныя,
Ея буйная головка гладко чесана,
Ея русая коса мелко плетена;
Во русой-то-ли косѣ лента алая,

„Лицо бѣлое набѣленое,
Щечки алыя разгораются,
Глаза черные развеселые,
Брови чэрные наведеные.“

Рисунокъ художника Б. Д. Григорьева.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

По утру рано встаютъ, по расплачутся.

Рисунокъ художника Б. Д. Григорьева.
Изъ собранія А. Е. Бурцева.

Лента алая, Дуня дѣвка нравая[1]).
Кто-бы Дуню полюбилъ, тотъ счастливый былъ,
А отъ Дунюшки отсталъ, разбезсчастный[2]) сталъ.
Среди поля, поля чистаго
У колодчика было у глубокаго,
Что у камешка было у горючаго.
Не Донской-отъ-ли казакъ воду черпаетъ,
Воду черпаетъ, онъ коня поитъ;
Не коня казакъ поитъ, мужъ жену губитъ,
Ему женушка взмолилася,
Въ праву ноженьку поклонилася:
„Ужъ ты, мужъ-ли мой, мужъ, ладо[3]), милое!
Не губи-ко ты меня, рано съ вечера;
Погуби-ко ты меня со полуночи,
Когда милыя дѣти спать улягутся,
Милы дѣтушки спать улягутся,
Спать улягутся, успокоятся;
По-утру рано встаютъ, порасплачутся,
Порасплачутся, матки хватятся.
— Ужъ ты, тятенька! гдѣ-же наша маменька?"
„Ваша маменька во сыромъ бору,
Во сыромъ бору беретъ ягоды".
„Наша маменька беретъ ягоды!
Мы пойдемъ братцы, мы покличемте...
Ужъ ты тятенька! гдѣ-же наша маменька?"
„Ваша маменька въ новой горницѣ
Баско[4]) рядится, въ гости ладится".
„Мы пойдемъ, братцы, мы посмотримте...
Ужъ ты, тятенька, гдѣ-же наша маменька?"
„Вы не плачь-ко, милы дѣточки
Приведу я вамъ молодую мать,
Я сострою вамъ нову горницу".

---

[1]) Любая, пріятная.
[2]) Горемыка.
[3]) Мужъ, супругъ; любезный.
[4]) Красиво, нарядно, щегольски.

54

Ты сгори, сгори, нова горенка,
Ты помри, помри, молодая мать,
Ты возстань, возстань, родимая мать.

Въ пѣніи каждая строка, кромѣ первой и послѣдней, повторяется два раза.

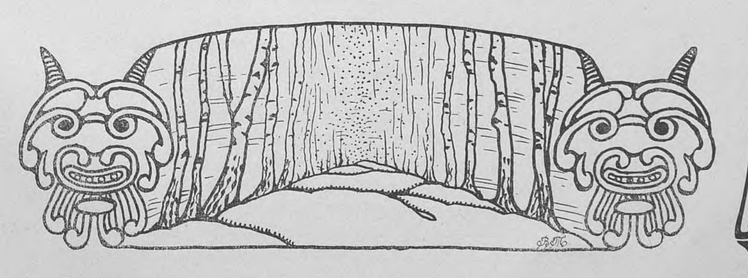
Сидѣлъ Ванюшка-Ваня на диванѣ,
                На диванѣ.
Курилъ трубочку Ваня табаку,
                Табаку.
Онъ вишиневочку водочку бранилъ,
                Онъ бранилъ:
«Распроклятая водочка вишневка,
                Вишневка!
Научила ты Ваню вино пить,
                Вино пить,
Во Кронштадтъ-отъ-городъ пѣшкомъ ходить,
                Что ходить.
Былъ я въ городѣ, братцы, во Кронштадтѣ,
                Во Кронштадтѣ,
Что я видѣлъ, то вамъ, братцы скажу,
                Я скажу:
Видѣлъ дѣ(в)ушку я братцы, во нарядѣ,
                Во нарядѣ,
Лѣтъ семнадцати очень хороша,
                Хороша;
На ней тоненька бѣлая рубашка,
                Рубашка,
Раскисейны широки рукава,
                Рукава,
По атласу шелковый сарафанъ».

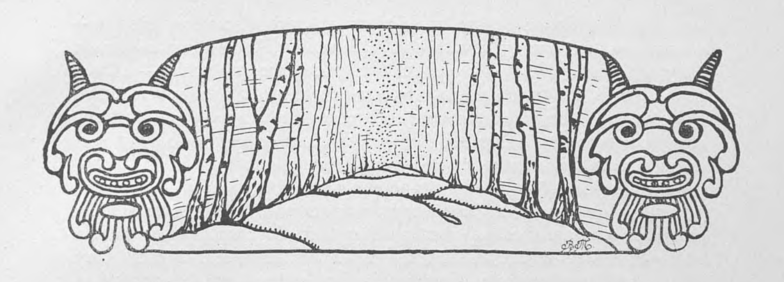

А. Е. БУРЦЕВЪ.

СКАЗКИ,
РАЗСКАЗЫ и ЛЕГЕНДЫ
РУССКАГО НАРОДА
ПРО НЕЧИСТУЮ и НЕВѢДОМУЮ СИЛУ.

Лѣшій, чертъ, дьяволъ, сатана, банникъ, водяной, домовой, дворовой, кикимора, лѣсовой, овинникъ (гуменникъ), полевой, русалки, вѣдьмы, оборотни и др.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

Матеріалы по этнографіи Россіи.

Александра Евгеніевича Бурцева.

Пастухъ и дьяволъ.

Въ одной деревнѣ жилъ былъ молодой пастухъ, по имени Пекко. Пасъ коровъ Пекко хорошо: на ночь въ лѣсу не оставлялъ, утромъ на пастбище рано прогонялъ и пасъ на такихъ мѣстахъ, гдѣ росла трава до поясу (по поясъ). Хвалятъ Пекко бабы, не нахвалятся... Вотъ однажды, когда Пекко былъ со стадомъ далеко въ лѣсу, приходитъ къ нему дьяволъ и говоритъ ему: давай Пекко — помѣряемся силой... — Отчего же, отвѣчаетъ ему Пекко, помѣряться можно, я не прочь; вотъ возьмемъ каждый по камню изъ „кивишали (груда камней, собранная на полѣ), и кто можетъ такъ зажать его сильно въ рукѣ, что изъ него потечетъ вода, тотъ будетъ сильнѣе... Дьяволъ со смѣхомъ взглянулъ на молодого пастуха, осмѣлившагося такъ дерзко говорить съ нимъ, взялъ камень и крѣпко сжалъ его въ своей рукѣ. Камень хрустнулъ и разсыпался мелкимъ пескомъ. „Ну, нѣтъ, братъ, говоритъ ему Пекко, это еще не сила, у тебя вода не течетъ изъ камня, а вотъ погляди-ка, какъ я буду дѣйствовать“... Передъ прихо-

домъ дьявола Пекко только что испекъ на огнѣ нѣсколько рѣпинъ — и спряталъ ихъ между камнями въ „квишалю". Теперь онъ вытащилъ одну изъ нихъ, сжалъ въ рукѣ, и изъ рѣпы потекла вода. — „Смотри-ка, братъ, говоритъ дьяволу, у меня изъ камня вода течетъ". Дьяволъ удивился силѣ Пекко и сталъ просить его, чтобы онъ сдѣлался его работникомъ. — „Отчего-же, можно"... говоритъ Пекко, направилъ стадо коровъ по дорогѣ къ деревнѣ, а самъ пошелъ съ дьяволомъ — служить ему... Работаетъ Пекко въ домѣ дьявола, ходитъ съ топоромъ по улицѣ, по угламъ избы обухомъ пощелкиваетъ. Вотъ разъ дьяволъ съ Пекко отправились въ лѣсъ дрова рубить. Срубилъ дьяволъ громаднѣйшую ель и, не обсѣкая вѣтвей, хочетъ тащить ее домой... Видитъ Пекко, что дѣло плохо и если не схитрить, то пожалуй, еще издохнешь подъ тяжестью дерева... — „Я, говоритъ онъ дьяволу, такъ какъ буду сильнѣе тебя, то понесу „комель", а ты иди впереди, неси дерево за верхушку, по твоимъ силамъ и этого достаточно"... Взваливъ вѣтвиствую верхушку на плечи, дьяволъ тащитъ, кряхтитъ, а Пекко сидитъ на комлѣ и пѣсни поетъ... — „Да смотри ты у меня, покрикиваетъ онъ на дьявола, если будешь останавливаться да оборачиваться назадъ, такъ-таки между лопатокъ щелкну". Идетъ дьяволъ, кряхтитъ подъ тяжелой ношей, а остановиться и обернуться ни разу не смѣетъ: боится, что топоромъ отъ работника достанется. Приходитъ дьяволъ домой и разсказываетъ женѣ: „ну, и работникъ же намъ попался, жена; силища такая, что и сказать нельзя... Сегодня я въ лѣсу нарочно срубилъ самую большую ель и, не обрубая вѣтвей понесъ. Пекко самъ выпросилъ комель нести, а мнѣ верхушку далъ. Я едва несу, охаю, ноги подламываются а онъ легонько такъ несетъ, пѣсни поетъ да на меня покрикиваетъ: если хоть разъ молъ оглянешься, такъ-таки топоромъ и свистну между лопатокъ. Что теперь намъ надѣлать съ такимъ силачемъ? — Убить его слѣдуетъ, совѣтуетъ дьяволу жена, иначе никакъ отъ него не отвяжешься. Какъ пойдетъ онъ спать въ сарай, въ сани, говоритъ она мужу, уснетъ тамъ, ты возьми топоръ, поди и щелкни его по головѣ, ужъ навѣрное тогда сдохнетъ. Дьяволъ согласился и рѣшено было убить Пекко въ первую же ночь. А Пекко между тѣмъ стоялъ въ сѣняхъ за дверью, слышалъ отъ слова до слова весь совѣтъ дьявола съ женою. „Ну, думаетъ онъ, не такъ-то вы скоро отвяжетесь отъ меня: кто кого еще выживетъ?" Послѣ ужина Пекко спокойно,

какъ будто ни въ чемъ не бывало, отправился спать въ сарай. Легъ въ сани и ждетъ, что дальше будетъ. Слышитъ, что въ сарай идетъ дьяволъ, на цыпочкахъ подходитъ къ санямъ и прислушивается — спитъ ли Пекко или нѣтъ... Пекко же, что есть мочи захрапѣлъ, показывая видъ, что крѣпко спитъ. Возвратился дьяволъ изъ сарая и говоритъ женѣ: давай скорѣй топоръ, работникъ спитъ крѣпко, настало время сплавить его съ этого свѣту. Снова идетъ дьяволъ въ сарай, только теперь уже съ топоромъ, намѣреваясь сразу же покончить съ сильнымъ работникомъ. А Пекко межу тѣмъ, пока дьяволъ ходилъ за топоромъ въ избу, вылѣзъ изъ саней, и въ сани на мѣсто себя положилъ чурбанъ, обернулъ его кафтаномъ, а самъ забрался подъ сани и ждетъ. Приходитъ дьяволъ вторично въ сарай: подбѣжалъ это къ санямъ и что есть мочи — хвать по чурбану топоромъ. Ну, жена, теперь ужъ, навѣрное, издохъ; пойдемъ, ляжемъ спать, уснемъ спокойно, а завтра закопаемъ Пекко въ болотѣ. На утро Пекко встаетъ, преспокойно идетъ въ избу и, къ изумленію своихъ хозяевъ, оказывается живымъ и вполнѣ здоровымъ. „Какъ еще ночь эту спалъ?“ спрашиваетъ дьяволъ у него. — „Да ничего, спалъ хорошо, только около полуночи, что-то ущипнуло за лобъ, какъ будто комаръ укусилъ“. — „Ну, и на работника же мы съ тобой, жена, напали“, — шепчутся дьяволъ и его жена; — „ужъ, какъ я обухомъ его треснулъ по лбу?! а для него это — все равно, что комаръ укусилъ! Нужно теперь придумать другое средство... Вотъ, что мы сдѣлаемъ“, — совѣтуетъ дьяволу жена. — „Возьмемъ ригачу (выраженіе означающее — стопить „ригачу“ насадить ее хлѣбомъ и обмолотить), и когда Пекко на ночь уйдетъ топить печь въ ней, ты поди и подожги „ригачу“; ригача сгоритъ, но и Пекко ужъ тогда не уцѣлѣетъ“... Такъ совѣтуетъ дьяволу поступить — жена, а, между тѣмъ, Пекко все это за дверьми подслушалъ и „на умъ“ себѣ взялъ: ну, думаетъ, не такъ-то вы скоро отъ меня отвяжетесь; кто кого со свѣту сживетъ? Какъ задумали дьяволъ съ женой, такъ и сдѣлали: взяли ригачу — насадили ее полную овса и Пекко послали на ночь топить печь... Топитъ Пекко печь, а самъ на двери поглядываетъ, какъ бы изъ риги по добру по здорову удрать... Вдругъ въ самую полночь — рига вспыхнула; со всѣхъ четырехъ угловъ загорѣлась. А Пекко уже приготовился бѣжать; схватилъ охапку соломы и самъ — драло въ лѣсъ. Проспалъ тамъ до утра, а утромъ, когда

пожаръ прекратился, и на мѣстѣ риги осталась только куча золы, пришелъ на пепелище, подослалъ въ сторонкѣ соломы подъ бокъ, свернулся калачемъ и уснулъ... „Ну, теперь, навѣрное, ужъ сгорѣлъ, — разговариваютъ дьяволъ съ женой, — теперь и косточекъ работника не отыщешь“... Приходятъ на пожарище и ума не могутъ приложить?! Лежитъ Пекко на соломѣ и громко похрапываетъ... Все — около него сгорѣло, а онъ цѣлъ остался, и даже самая солома подъ бокомъ не задымилась. — „Ну, жена, говоритъ дьяволъ, нашаго работника и огонь не жжетъ; вѣрно придется намъ по добру по здорову бѣжать изъ своего дому, пока мы еще живы, пока работникъ нашъ не задумалъ еще убить насъ... Съ такой силой все можно сдѣлать. Рѣшились дьяволъ и жена бѣжать изъ своего дому, задумали скрыться отъ своего работника. Напекли, насушили дьяволъ съ женой три цѣлыхъ мѣшка сухарей, и уже назначили самый день, когда побѣгутъ: дьяволъ условился взять два мѣшка, а жена его — мѣшокъ. А Пекко, между тѣмъ, наканунѣ того дня, въ который условились дьяволъ и жена его бѣжать, Высыпалъ изъ одного мѣшка сухари, убралъ ихъ подальше, и самъ забрался въ мѣшокъ и сидитъ молча, не жунетъ... Наступилъ, наконецъ, самый день побѣга... Дьяволъ ничего не подозрѣвая, взвалилъ на плечи два мѣшка, въ одномъ изъ которыхъ сидѣлъ Пекко, а жена остальной — третій. Идутъ, спѣшатъ, подъ тяжестью мѣшковъ кряхтятъ, прошли довольно большое разстояніе и задумали позавтракать: „теперь ужъ работникъ не догонитъ насъ, еслибъ и захотѣлъ бѣжать“. — Сняли съ плечъ мѣшки, и только что начали сухари грызть, вдругъ Пекко и закричалъ изъ мѣшка: подождите немножечко, и я съ вами позавтракаю... — „Ой, жена, говоритъ дьяволъ, слышишь?... Кричитъ, догоняетъ насъ, и ужъ близко должно быть... Побѣжимъ еще дальше?.. Снова схватили мужъ и жена мѣшки и ну бѣжать... Бѣжали, бѣжали, утомились, захотѣли ѣсть и рѣшились остановиться и отдохнуть. Опять сняли съ плечъ мѣшки, усѣлись, ужъ только бы сухари взять въ руки да грызть, вдругъ — слышатъ голосъ работника: Подождите немножечко, вмѣстѣ пообѣдаемъ; я сейчасъ буду къ вамъ... „Жена, слышишь? Говоритъ дьяволъ, Пекко кричитъ, догоняетъ насъ и ужъ близко должно быть... Побѣжимъ еще дальше, авось скроемся“... Снова схватили дьяволъ и жена мѣшки и ну бѣжать. Бѣжали, бѣжали, высунули языки, и отъ утомленія оба сразу пали на землю и из-

дохли... А Пекко выбрался изъ мѣшка, забралъ изъ дьявольскаго дома все, что поцѣннѣе, и пришелъ въ свою деревню, и снова сталъ жить по прежнему — пасти стадо коровъ. Такъ пастухъ избавилъ людей отъ дьявола.

Проклятая дѣвица.

Дѣло было въ святки. Какъ въ прежнее время, такъ и нонѣче, молодцы и дѣвушки собираются на посидѣнки. Отъ одного селенія верстъ съ полдесятка шли молодцы въ ночное время на посидѣнку. На половинѣ дороги попалась имъ баня, выстроенная для мытья льну. Одинъ и говоритъ: кто осмѣлится въ эту баню зайти и взять съ каменки камень, тому рубль серебра! И выискался одинъ изъ этой артели. Вошелъ въ баню, взялъ съ каменки камень, вышелъ. — Вотъ, говоритъ, ребята, вы чего боитесь, и бросилъ этотъ камень въ сторону и неизвѣстно куда онъ улетѣлъ. А товарищъ ему подалъ рубль. — Ну, говоритъ, господа, пойдемте въ заведеніе, я васъ, говоритъ попотчую на этотъ рубль. И издержали они рубль.

Время прошло, кончились посидѣнки, приходитъ этотъ человѣкъ домой. Только успѣлъ онъ разболокчись, поѣсти и лечь спать, какъ ему на ухо и шепчетъ кто-то: принеси мой камень! гдѣ его взялъ, тутъ и положь! — Онъ сперва думалъ, что это шутка, но дѣло дошло до того, что ни днемъ, ни ночью не стало давать покоя. Дѣлать нечего, надо идти искать камень. Долго искалъ онъ его, однако нашелъ и какъ только хотѣлъ положить этотъ камень на каменку, схватываетъ его за руку неизвѣстно кто. — Ты, говоритъ, добрый молодецъ, долженъ быть моимъ мужемъ, а я твоей женою! - Какъ, говоритъ, такъ! я тебя не знаю. — А если ты меня не согласишься взять въ замужество, во вѣки не выйдешь изъ сей бани. — И сдѣлали условіе, въ какое время сыграть свадьбу. И пошелъ онъ изъ бани. Сказываетъ своимъ родителямъ: такъ и такъ, моя судьба въ банѣ, а если бы не дать обѣщанія, то долженъ лишиться жизни. Родителямъ прискорбно,

да дѣлать нечего, надо ѣхать за невѣстой въ баню, а родственники ничего не предъявляютъ. Взяли съ собой священника съ крестомъ впередъ всѣхъ и входятъ въ эту баню. Сидитъ разряженная дѣвица одна себѣ и покрыто ея лицо. Священникъ взялъ ее за руку и повелъ изъ бани вонъ. И все не открывается, пока не подошли къ аналою. Тутъ она скинула съ себя покрывало и — прекрасная красавица! Священникъ сталъ ее спрашивать! какая ты есть? Я проклянная дочь, отецъ и мать меня прокляли; если они скажутъ, что я не ихняя дочь: я должна жизнь кончить, а когда скажутъ: наша дочь, я буду жива и здорова и находиться въ ихнемъ царствѣ со своимъ супругомъ. — Живо сдѣлали донесеніе. Истинно, наша дочь, говорятъ. И прибыли отецъ и мать на свадьбу. И этотъ добрый молодецъ изъ бѣднаго сословія сдѣлался наслѣдникомъ всего богатства и сталъ со своей супругой жить да богатѣть.

(Записано *А. Е. Бурцевымъ*).

Неправедный купецъ.

Сказка.

У одного купца было много денегъ. Нажилъ онъ эти деньги не честнымъ трудомъ, а обманами: не продать ему было ни одной пустяковинки, чтобы не обмануть.

Вотъ и снится ему однажды, что кто-то говоритъ ему и заказываетъ строго-настрого выстроить церковь. Снится ночь, снится другую, не даетъ купцу спокою. Наконецъ купецъ и говоритъ своей женѣ:

— Что это, баба, снится мнѣ все одинъ и тотъ же сонъ? Не даетъ онъ мнѣ спокою.

А жена его отвѣчаетъ ему.

— Ужъ видно самъ Богъ тебя вразумляетъ. Послушайся его голоса.

У того купца капиталы были большіе, и онъ въ одинъ годъ выстроилъ великолѣпную церковь, какъ то приказано ему было во снѣ.

Когда церковь была совершенно готова, назначили день освященія ея. Собралось множество народа. И вотъ, когда пошли съ иконами вокругъ церкви, и изъ нея вышелъ послѣдній человѣкъ, купецъ сѣлъ подъ престолъ, какъ велѣно было ему все тѣмъ же голосомъ, который внушилъ ему о построеніи церкви.

Между тѣмъ крестный ходъ не спѣша подвигался впередъ и прошелъ уже почти половину предстоящаго ему пути вокругъ храма, какъ вдругъ всѣ стали замѣчать, что церковь медленно начала осядать и опускалась все ниже и ниже; наконецъ стало видно одинъ только крестъ, и вскорѣ на мѣстѣ, гдѣ была только что отстроенная церковь, образовалась огромная пропасть, до дна которой нельзя было достать ни коимъ образомъ.

У купца были три сына. Они начали жить послѣ отца очень богато. И вотъ сталъ имъ отецъ снится каждую ноченьку, все звалъ ихъ посмотрѣть на него. Но сыновьямъ къ отцу идти не хотѣлось. Они нашли на селѣ у себя одного молодого парня, слывшаго за сорви-голову и не имѣвшаго ни роду ни племени, порядило его сходить въ ту пропасть, что образовалась на мѣстѣ церкви, построенной ихъ отцомъ. Поили они этого парня чуть-что не каждый день.

Наконецъ настало время этому парню въ пропасть спускаться. Накупили сыновья купца воловъ, понадѣлали изъ воловьихъ шкуръ ремней и опустили парня на ремняхъ въ пропасть. Но тѣхъ ремней оказалось недостаточно и парень не могъ достигнуть дна.

Накупили купеческіе сыновья воловъ въ три раза больше противъ прежняго и понадѣлали ремней въ трое больше и снова стали спускать на нихъ парня. Долго они спускали его. Наконецъ веревка ременная ослабла, — значитъ парень дошелъ до дна.

Но въ дѣйствительности парень очутился не на днѣ, а на церковной крышѣ. Сидитъ парень на крышѣ и не знаетъ, какъ попасть ему въ самую церковь. Думалъ, думалъ онъ, наконецъ и придумалъ: спуститься черезъ печную трубу. Спустился парень въ церковь и видитъ: у самой колоны купецъ тотъ прикованъ желѣзными цѣпями.

Увидалъ купецъ парня и спрашиваетъ:

— Кто ты такой, зачѣмъ и какъ попалъ сюда?

Парень разсказалъ купцу обо всемъ подробно.

Выслушавъ парня, купецъ и говоритъ ему:

— Ну, пропала твоя головушка! Не бывать тебѣ больше на землѣ.

— Какъ не бывать — у меня веревка сверху спущена. Пойдемъ и тебя выведу, — предложилъ ему парень.

— Нѣтъ ужъ, — сказалъ купецъ, — ты уходи одинъ, а меня вотъ будутъ скоро мучить.

Парню захотѣлось посмотрѣть: — кто и какъ будутъ мучить купца, и поэтому онъ сказалъ ему, что не уйдетъ отсюда, а останется здѣсь посмотрѣть на мученія.

Купецъ приказалъ парню спрятаться.

— Ступай туда за печку, — велѣлъ онъ парню, а какъ придутъ и станутъ меня мучить, ты заиграй на гармоніи (съ которой парень никогда не разставался и потому захватилъ ее съ собою въ пропасть). — Когда же немного сыграешь на ней, — продолжалъ купецъ, — то сейчасъ же разорви ее въ куски.

Спрятался парень за печку и сталъ ожидать, что будетъ дальше.

А дальше случилось вотъ что.

Въ церкви поднялся вдругъ сильный шумъ, и парень вначалѣ

оробѣлъ было. Но потомъ думаетъ про себя: „Дай посмотрю“ и потихоньку выглянулъ изъ-за печки. И видитъ онъ, что налетѣло множество чертей и они начали истязать купца: ѣздить на немъ, хлестать его желѣзными прутьями и всячески мучить. До того они его измучали, что онъ потерялъ сознаніе и лежалъ безъ чувствъ. Но черти и тутъ не оставляли его въ покоѣ: стали тыкать его подъ ж . . . . . . у желѣзными прутьями.

Смотрѣлъ, смотрѣлъ парень и заигралъ на своей гармоніи.

Какъ только парень заигралъ, а игралъ онъ превосходно, черти сначала диву дались, а потомъ самый набольшій чертъ не вытерпѣлъ и пустился въ плясъ, а за нимъ пошли плясать и другіе. И отъ этой чертовой пляски такой поднялся гомонъ, что у парня волосы дыбомъ стали, и гармоника изъ рукъ выпала.

Какъ только прекратилась музыка, перестали и черти плясать и тотчасъ начали шнырять по церкви и розыскивать музыканта. Во всѣ концы и закоулки шныряли черти по церкви, а заглянуть за печку имъ было невдомекъ.

Вспомнилъ парень про наказъ купца, что надобно разорвать гармонію, нагнулся, поднялъ ее и разорвалъ. Но когда парень рвалъ ее, произвелъ трескъ, который услышали черти и сразу шарахнулись за печку. Увидали они за печкой парня и стали просить его еще поиграть, — больно ужъ понравилась имъ эта музыка. А парень и говоритъ имъ:

— Нельзя играть, гармонья изломана.

Набольшій чертъ и спрашиваетъ:

А кто гармонью можетъ починить?

— Вынеси меня на землю, — отвѣчаетъ ему парень, — у насъ на селѣ есть такіе мастера, что живо ее починятъ.

Чертъ согласился, но при этомъ сказалъ парню:

65

— Если черезъ три дня ты гармонью не починешь, то я удушу тебя.

Потомъ парня ровно вихремъ подхватило и черезъ мгновеніе онъ очутился снова на землѣ и пошелъ прямо къ попамъ. Служили молебны. Наконецъ какая-то старуха едва отчитала его. Она дала воску кусокъ и велѣла прилѣпить его къ шейному кресту.

И только послѣ долгихъ хлопотъ черти оставили парня въ покоѣ.

Третій выпускъ отпечатанъ въ количествѣ 120 экз. не для продажи, какъ матеріалы для будущихъ изслѣдователей Русскаго народнаго быта.